
ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Беспокойства относительно Малороссии. - Письма Барановича в Москву. - Новый соперник Дорошенку - Ханенко. - Баранович хлопочет о нарушении Глуховских статей. - Непрочность Многогрешного в Малороссии. - Торжество Дорошенка. - Происки Тукальского. - Константинопольский патриарх выдает проклятие на Многогрешного. - Притязания Барановича. - Царский ответ малороссийским посланным. - Посольство из Москвы к константинопольскому патриарху для снятия проклятия с Многогрешного. - Представления Дорошенка. - Война на западной стороне Днепра. - Неудовольствия Многогрешного. - Посольства к нему из Москвы. - Доносы старшины на гетмана. - Многогрешный схвачен и привезен в Москву. - Обвинения, на него поданные. - Допрос и ссылка Многогрешного. - Ссылка Серка. - Рада в Козачьей Дуброве. - Избрание Самойловича в гетманы. - Похождения ложного пророка Вдовиченка в Запорожье.

Успешным окончанием Глуховской рады беспокойства московского правительства насчет Малороссии далеко не прекращались: новый гетман дал знать в Москву, что 1 июля 1669 года Суховой с запорожцами и с крымским султаном Нурадином пришел под Канев и стал на Расаве, с ним запорожцев 3000 да татар 100000, полки Уманский, Корсунский и Кальницкий поддались Суховею, отстав от Дорошенка; что Дорошенко с митрополитом Тукальским упросил Юрия Хмельницкого оставить монашество: они хотят сделать его гетманом; только в таком случае Дорошенко надеется сохранить жизнь, потому что если выберут в гетманы Суховея, то ему не быть живу: Суховой отомстит ему за потопление своих людей под Переволочною. 6 июля пришел в Канев и Дорошенко и разослал универсалы, приглашая полковников на раду на Расаву.

В сентябре явился в Москву посланец от Лазаря Барановича и уведомил, что гетман в Смелой, между Путивлем и Ромнами, при нем царские войска, нежинской пехоты 300 человек да козацкие полки: Нежинский, Черниговский, Переяславский, Прилуцкий, Стародубский, при нем и Мурашка; к Смелой пошел гетман против Гамалеи и орды, потому что в Малороссии села и деревни жгут, людей побивают и в плен татарам отдают; с Гамалеєю три полка - Миргородский, Полтавский, Лубенский, да при нем же 3000 татар: гетман черкас и татар многих побил; но, с другой стороны, Дорошенко собирается многим собраньем, и орда пришла к нему многая, пришли турки, волохи и молдоване. Баранович писал государю: "Многочастно и многообразно писал я к вашему царскому величеству о помощи ратными людьми, да не буду бессуден, потому что гетман Демьян Игнатович утруждает меня грамотами и сам в Чернигове, когда провожали

святейшего папу и патриарха Паисия александрийского, говорил: "Мы, святыни твоей послушавшись, целовали крест царскому величеству в надежде, что к нам ратные люди будут на помощь. Теперь на нас орда наступает, а помощи нет: наше попросие ордам врата отверзет и в великороссийские города". Смилуйся, государь, прикажи боярину своему, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, спешить на помощь Украине, а гетман уже пошел из Батурина". Сильнее писал Баранович к Матвееву: "Государь указал князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому стоять в Севске, но от этого гетману и Украине какая помощь, когда под боком у этих войск бусурманы с козаками обеих сторон бедную Украину, как хотят, пустошат, над гетманом Демьяном Игнатовичем и надо мною насмежаются. Если бы сначала, вскоре после статей Глуховских, как я твоему благородию советовал и к царскому величеству писал, силы государевы наступили, то давно бы уже Украина успокоилась; и теперь еще не так трудно это сделать, если скорая помощь к гетману придет, потому что гетман - человек рыцарский, знает, как дело сделать, только было бы с чем". Баранович просил также царя и Матвеева и о своем деле, чтобы книга его "Трубы" была напечатана в Москве, "чтобы мог вскоре типом в царствующем граде Москве вострубить". "По нашему великому государя указу, - отвечал царь, - велено боярину князю Ромодановскому идти немедленно в малороссийские города и велено перед собою послать помощь к гетману 500 человек конных и пеших людей: книги "Трубы" отданы в свидетельство, и как из свидетельства выйдут, то наш указ о них будет".

Архиепископ напрасно так беспокоился. Дорошенко, занятый у себя усобицею, не мог быть очень страшен для восточной стороны. В Запорожье явился ему новый соперник, Ханенко, которого польское правительство провозгласило гетманом западной стороны, где он и утвердился в Умани и некоторых других местах. Суховой начал помогать Ханенку. Юрий Хмельницкий, скинувши монашескую рясу, соединился с ними. Ханенко писал Многогрешному, чтобы помогал ему на общего неприятеля, Дорошенка. Но из Москвы Демьяну Игнатовичу дали знать, чтобы не вмешивался в эту усобицу. "Указ вашего царского величества исполнять готов, - отвечал Многогрешный, - понеже между собой раздор учинили, пусть сами и расправятся". Гетман понял мысль царя и успокоился. Но Лазарь Баранович, теперь, по удалении Мефодия, единственный архиерей на восточной стороне, считал своею обязанностию заботиться об интересах Малороссии, не допускать нарушения Глуховских статей. В конце года приехал от него в Москву игумен Иеремия с жалобами: 1) В Глуховских статьях постановлено, что по первому или второму прошению гетмана государевы войска явятся на защиту Украины: теперь все лето гетман просил войска - и не обрел милости, отчего великая поднялась молва в людях. 2) В Глуховских статьях постановлено отпустить всех узников, засланных в Москву Брюховецким, также всех козаков, взятых на бою, и деревенских крестьян: теперь многие малороссияне ходили в Великую Россию отыскивать своих родственников и возвратились ни с чем. 3)

Вопреки Глуховским статьям взятые воеводами войсковые и городские пушки до сих пор не отданы, что нелюбо козакам. 4) Не отданы церковные утвари и сосуды. 5) В Глухове постановлено, что без козацких послов комиссия с поляками не будет отправляться; а теперь комиссия не только отправлялась без козацких послов, но и, как видно из комиссарских писем к Дорошенко, совершенно, отчего встала большая смута. Архиепископ бьет челом: если еще комиссия не окончилась, то чтобы государь велел отправить на нее послов гетманских, да утолится жителей украинских малодушие. 6) Полномочные комиссары восточным берегом Днепра отправили посланников к западному гетману Дорошенко, не давши знать об этом гетману восточному, чем возбудили в нем гнев. 7) Посланники эти комиссарские произвели большую смуту тем, что листами своими приглашали малороссиян обеих сторон Днепра высылать на сейм знатных людей духовного и мирского чина с челобитными к королю о своих надобностях: малороссияне стали опасаться, чтобы их на комиссии королю не отдали. Царь отвечал Барановичу: "Тебе бы раденье свое показать, гетмана и все Войско утверждать, чтобы они на нашу милость были надежны: никто их, за милосердием Божиим, из-под нашей высокой руки восхитить не может. Ты пишешь про Глуховские статьи, что без посланников козацких комиссиям не отправляться; хотя и так в Глуховских статьях постановлено, однако тому время не дошло; а в 17-й статье написано: если у нас, великого государя с королевским величеством или ханом крымским, на комиссиях будет вспомин о Войске Запорожском, то в то время быть козацким послам; когда такие разговоры начнутся, тогда гетманские посланцы и будут позваны. Ты пишешь, что комиссарские посланцы призывали малороссиян на сейм к королю, но в листе боярина Ордина-Нащокина написано: призывает из Украйны духовного и мирского чина людей для истинной ведомости и рассуждения духовного об устройении вечном, призывает к себе на комиссию и Дорошенка, отводя от бусурманского совета; о посылке же к королю на сейм в листе не написано. Заточники и пленные, которые сысканы, отосланы к гетману, и кто именно, о том к тебе послана роспись; о пушках воеводы нам писали, что они отдали их гетману по Глуховским статьям, и что отдано, послана к тебе роспись".

Весною 1670 года поехал в Малороссию подьячий Михайла Савин искать мастера виноградного строенья, также мастера, который бы умел сажать дули, груши, сливы, орехи киевские, пасечника для пчел. 17 апреля в Батурине Савин был на обеде у гетмана, к которому съехались полковники всех городов восточной стороны поздравлять с праздником, Светлым Христовым воскресением; не было только полковников полтавского и миргородского. За обедом Многогрешный начал говорить полковникам: "Слышу я, что козаки всех городов меня мало любят; если и вправду так, то вы бы били челом великому государю об избрании другого гетмана, я клейноты войсковые уступлю тому, кого вы выберете. А пока я буду гетманом, своевольников усмирять не перестану, сколько во мне мочи будет, на том я великому государю присягал; не так бы, как Ивашка

Брюховецкий: как Иуда Христа предал, так он великому государю изменил; а я обещался за великого государя умереть, чтобы после меня роду моему слава была. А сколько своевольникам ни крутиться, кроме великого государя деться им негде". Тут переяславский полковник Дмитряшка Райча ударился об стол и начал говорить со слезами: "Полно нам уже тех гетманов обирать и за теми гетманами крови христианской литься; будем себе только одного великого государя иметь неотступно, а своевольников укрощать".

На другой день, 18-го числа, у гетмана с полковниками и старшиною была рада, потому что год без войны не пройдет: полковники все присягали, целовали государево знамя на том, чтобы им ни на какие неприятельские прелести не склоняться и против неприятелей стоять упорно и гетмана во всем слушаться. Савину сказывали, что полтавский и миргородский полковники гетману не послушны: Дорошенко к ним пишет с угрозами, чтобы гетмана Демьяна не слушались, а гетман Демьян к ним пишет, чтоб на Дорошенковы прелести не склонялись; а полтавцы и миргородцы, запершись в городах, ни того ни другого не слушаются. Не очень хорошо говорили Савину и о других полковниках: с гетманом Демьяном великому государю верно служат и прямым сердцем поступают полковники переяславский Дмитряшка да стародубский Рословченко, а других украинских городов полковники так и сяк.

Непрочно, но этим вестям, было положение гетмана в Малороссии, а тут еще сам гетман прислал дурные вести о Запорожье. В июле 1670 года Многогрешный прислал грамоту Матвееву, "благодетелю и приятелю своему милостивому"; гетман жаловался, что Ханенко и запорожцы отправили послов своих к великому государю, в грамоте, писанной к нему, Демьяну, не назвали его гетманом. "Они хотят бить государю челом, - писал Многогрешный, - чтобы позволено было выбирать гетмана в Запорогах, а не в городах; но если бы царское величество это позволил, то на Украине вновь встало бы смятение, ибо запорожцы привыкли людей разгонять". Но Москве в это время было не до поставления в Запорогах гетмана: Разин поднимал восточное козачество. В сентябре опять приехал в Батуриин к Многогрешному подьячий Савин с царскою грамотою: царь приказывал гетману выбрать пять или шесть сот козаков и отправить их в полк к князю Ромодановскому против Разина. Гетман отвечал: "По государеву указу велел я в разные города универсалы разослать, чтобы войско козацкое собиралось в Глухов; велел я собрать войска тысячу человек, начальником у него будет генеральный есаул Матвей Гвинтовка; я приказал ему идти в полк к князю Гр. Гр. Ромодановскому. Ко мне пришли вести из Лубен и Миргорода, что хан крымский с большим войском вышел и хочет воевать на той стороне Днепра Дорошенка и польские города: а Юраска Хмельницкий с калгою салтаном идет на эту сторону, и войска при нем с 60000, хочет хан крымский Юраску сделать гетманом на обеих сторонах Днепра. Из Запорог писали козаки к Стеньке Разину, будто я, гетман, у великого государя не в подданстве, чтобы Стенька шел на

государевы понизовые города безопасно, меня не боясь. А если бы у меня таких вестей про татарский приход не было, то я бы, по указу великого государя, послал войска своего с 10000 человек. Великий государь пожаловал бы меня, велел в Севске быть пехоте, солдатским полкам или стрелецким приказам двум или четырем тысячам, потому что чаю я от своих людей шатости; Юраска Хмельницкий идет с ордою на сю сторону, а меня мало любят, потому что на их руку и к злой мысли мало поступаю, унимаю их от всякой шатости; а что при мне голова московских стрельцов с приказом, то его в поход с собою брать не буду, потому что он будет дом мой оберегать".

В то же время были в Москве посланцы Барановича и Многогрешного, наш старый знакомый протопоп Семен Адамович и сотник Василий Семенов; гетман извещал чрез них великому государю, что в малороссийских жителях начала быть шатость: как были у царских послов с королевскими комиссарами съезды, то будто постановили Киев и все города этой стороны отдать полякам; на съездах был стародубовского полковника Рославченка брат Иван, и он-то сказывал гетману про все посольские постановления; гетман и старшина от этого в великом сомнении, особенно оттого, что посланцы их на съезде не были. Если бы в нынешнем или в будущие годы с обеих сторон Днепра и запорожцы начали бить челом великому государю, чтобы собрать черневую раду, то великий государь гетмана пожаловал бы, черневой рады созывать не велел, чтобы между ними не учинилось междоусобия и кровопролития, как при Врюховецком. Если Дорошенку от неприятелей его, Ханенка и Суховей, учинится утеснение и побежит он в Киев или иные города этой стороны Днепра или в слободы на Украйну, то великий государь не велел бы его принимать, чтобы не встало между ними междоусобие. Если Дорошенко, Ханенко, Суховей или сумский полковник и другой кто-нибудь станут писать к царскому величеству на него, гетмана, о какой неверности, то чтобы великий государь не изволил тому верить. Если на этой стороне ему, гетману, объявится противник, то великий государь велел бы его, гетмана, своими ратями оборонить и в изнеможении позволил бы ему в великороссийские города с домом своим приехать, а когда приедет, чтобы воеводы или приказные люди неприятелям его не отдали. Великий государь велел бы его, гетмана, обнадежить, что Киев и города восточной стороны не будут никогда уступлены королю.

Многогрешный думал, что Суховей и Ханенко заставят бежать Дорошенко; но вышло противное: Дорошенко поразил Суховей, Ханенка и Хмельничко, взял последнего в плен и отослал к султану. Сперва Хмельниченко сидел в Семибашенном замке, но потом султан велел освободить его, пожаловал кормом и двором. Торжествующий Дорошенко тем опаснее был для Многогрешного; но к усобице между гетманами присоединилась еще усобица между архиереями: Иосиф Тукальский не переставал хлопотать о подчинении себе Киева и всей Малороссии, а так как политическое разделение Малороссии на две части под двумя гетманами производило и разделение церковное, то Иосиф враждовал к

восточному гетману не менее Дорошенка. Но если на западной стороне подле Дорошенка находился претендент на митрополию, то на восточной, подле Многогрешного, находился также архиерей, который, как мы видели, домогался первенства даже и в том случае, если бы Киев отошел к Польше. Лазарь Баранович заступился за себя и за своего приятеля Демьяна Игнатовича и написал государю: "Преосвященный Иосиф Тукальский, митрополит киевский, домогается у Демьяна Игнатовича, чтобы духовенство восточной стороны находилось в его послушании и повинности. Я отписал ему, что Демьян Игнатович без ведома, воли и указу вашего царского величества ему этого позволить не может. Что ж случилось? Пои романовский (Роман Ракушка), который перед тем в Нежине был козаком, зашедши на ту сторону Днепра, поехал от митрополита Тукальского в послах к св. Мефодию, патриарху константинопольскому, и хитростию выправил на гетмана Демьяна Игнатовича неблагословенный лист, чтобы, его этим неблагословением застрашавши и мир в обиду подавши, смуту на сей стороне Украины учинить. Хотя гетман вашего царского величества и не находится под зависимою константинопольского престола, однако нельзя же не обращать внимания на имя и власть вселенского патриарха. Демьян Игнатович удивляется вместе со мною так неосторожно выданному патриархом неблагословению, что не может не оскорбить и ваш пресветлый престол, потому что Демьян Игнатович вашего войска гетман. Он бьет челом, чтобы ваше царское величество ходатайствовало пред патриархом константинопольским о благословении ему и чтобы вперед патриарх так неосторожно клятвенных листов не выдавал. Достоянее клятвы тот, кто ее обманом у св. патриарха выправил и вашего царского величества престол укорить дерзнул: в этой патриаршей неблагословенной грамоте Демьян Игнатович и гетманом не назван, назван простым именем - Демком Игнатенком: мало ли есть Демков Игнатенков, но гетман один - Демьян Игнатович. Митрополит Тукальский хочет завладеть духовенством восточной стороны Днепра; но здесь духовенство и мирские люди все хотят быть под моею паствою: я отдаю это дело на вашего царского величества высокое рассмотрение - ведать ли мне все духовенство на сей стороне Днепра, как гетман ведает мирского чина людей? Потому что трудно духовенству, пребывающему на вашей царского величества стороне, переезжать к митрополиту на другую, королевскую сторону; в этом разделении могло бы что-нибудь и недоброе возрасти. Митрополит киевский хотя и всей России пастырь и ексарх константинопольский, однако не всегда священников этой стороны имел в своей пастве, но всякий находился в послушании у своего особого пастыря: черниговские - черниговского архиепископа, переяславские - переяславского епископа знали: митрополит же киевский, от древних веков в Киеве на своем сидя месте у св. Софии, только одною тою стороною Днепра довольствовался и теперь, на той стороне Днепра пребывая, довольствоваться тамошним духовным чином может. О Киеве и прежде многократно и многообразно писал я к вашему царскому величеству, и теперь повторяю, ибо слух здесь

прошел, что он на комиссии уступлен ляхам и последнего числа ноября нынешнего года будет отдан, о чем все православные киевские обители плачут, и весь православный малороссийский народ в смятении. Ей премилосердый, православный царю! пожалей крови своей и искони вечного отечества, потому что сущая-то вашего царского величества кровь - оные правоверные великие князья и цари киевские: не отпуская же своего присвоения и венца царского, того святого великого града Киева, от своей государственной руки правоверной в иноверную, в вечное поношение и жалость всему православному христианскому народу. Смею припомнить и о государственном слове (понеже слово делом закоснело) насчет напечатания трудов моих. "Трубами" названных: смиренно бью челом, чтобы ваше царское пресветлое величество слово свое делом совершить изволил, потому что книги уже исправлены, св. Иоасафом-патриархом благословены". Протопоп Семен подал и лист патриаршеский с проклятием на Многогрешного: "Мефодий, божиею милостию архиепископ Нового Рима, великий патриарх. Честный отец Роман, протопоп брянславский, известил нас, что во время войны и смятения меж людьми Демко Игнатенко овладел домом одного иерея и пограбил имение его: четыреста осмачек хлеба, шесть котлов великих, четыре коня, полтора свиней, две сабли оправных позолоченых, пятьсот золотых денег, а самого его изгнал. Если Демка Игнатенко отдаст протопопу все, что взял, в целости, без отговорок, по доброй воле, то будет благословен; а если не захочет отдать, то да будет отлучен от бога, проклят и не прощен, мертвый да не рассыплется никогда до уреченного суда; камни, дрова, железо да истлеют и рассыплются, и земля рассядется, он же никогда. И пожрет его земля, яко Дафона и Авирона; гроза божия верху главы его; имение его и труды да будут прокляты и да не узрит счастья никогда; имение его ветром да пойдет, напоследок же и сам да обратится ни в что; да познает сам, яко не с ним бог, и св. ангел божий на страшном суде не при нем, отлучен от церкви Христовой, чтобы его к церкви никто не припускал и дабы его не благословил и не кадил, дара божия не давал и у трапезы никто с ним не ел и не пил и не сидел с ним и не прощался с ним и здоровья не сказывал, и когда умрет, чтобы его тело никто не хоронил под тяжкою нашею клятвою архипастырскою и отлучением от церкви того иерея, который его похоронит; будет на нем проклятие св. 318 богоносных отцов Никейского собора, доколе не отдаст всех вещей, взятых у отца господина Романа".

13 июля протопоп и сотник видели очи великого государя, были у него у руки на крыльце перед передними сенями, и по первой. статье, о Киеве, сам государь объявил посланным: хотя в Андрусовских статьях и упомянуто было об отдаче Киева, но так как поляки нарушили некоторые условия, потому теперь он и в помышлении не имеет Киева королю отдавать; на нынешней комиссии полномочные послы королевским комиссарам и слова не дали говорить об отдаче Киева, восточной же стороны Днепра и сами поляки не домогались. Подлинного постановления о вечном мире не учинено, а если бы договор состоялся, то немедленно дано было бы знать

гетману, чтобы присылал своих людей на комиссию по статьям Глуховским. На вторую статью, о раде, был ответ: великий государь черневой раде, хотя бы от кого и челобитье пришло, быть не изволит, да и быть раде не для чего: бывает черневая рада для гетманского выбора, когда гетман умрет или гетманом быть не велят. Дорошенка государь никуда пускать и принимать не велел. Государь знает верную службу гетмана Демьяна Игнатовича и, если кто-нибудь станет на него писать, верить не изволит, в нужде воеводы его в царские города примут и неприятелям не выдадут. Барановичу был ответ, что государь тотчас же велел начать печатание "Труб", к несчастью, бумаги нет, придет из-за моря не ранее 1 сентября. Царь обещал послать надежного грека к патриарху константинопольскому по делу о проклятии гетманском. Наконец, Киевская область и Малороссия по сю сторону Днепра отдана в паству Барановичу. Протопоп Семен писал гетману из Москвы: "Царское величество неизреченную милость к вельможности твоей являет, не потребно нимало о милости его сомневаться. К тому же и ходатай скорый и приятный господин Артемон Сергеевич (Матвеев); он к вельможности твоей совершенную любовь имеет, а это лучше всего, о Войске Запорожском и о всей стороне Малороссийской беспрестанно у царского престола, как мать о чадах, убивается; сказал нам: "Пока жив, не переменюсь". Замедлились мы здесь за благим советом Артемона Сергеевича, который хотел, чтобы мы были при отпуске низовых козаков запорожских; не стыдился его милость Артемон Сергеевич, именем царским выговорил запорожцам: для чего Ханенко гетманом пишется и для чего вельможность твою северским, а не настоящим гетманом почитают? Запорожцы дали слово быть под твоим послушанием".

Для ходатайства пред византийским патриархом о снятии проклятия с Многогрешного отправился в Константинополь переводчик Христофоров и привез оттуда любопытные известия, показывающие, в каком затруднительном положении находился патриарх вследствие подданства Дорошенкова султану. В Яссах царский посланец встретился с знаменитым Тетерею, который ехал к султану; на вопрос Христофорова, что это значит, Тетеря отвечал, что в Польше чести ему никакой не оказали. Приехавши в Царьград, Христофоров представился патриарху и подал ему царскую грамоту, в которой Алексей Михайлович просил снять проклятие с гетмана Многогрешного. "О чем ко мне великий государь пишет, - отвечал патриарх, - того я не упомяну, справлюсь в своих записных книгах и завтра тебе ответ дам". На другой день Христофоров отправился за ответом, "Приискал я дело, - сказал ему патриарх, - сделалось оно поневоле, таким образом: не стало в Польском королевстве, в городе Львове, православного епископа; один латинец, именем Симеон, пожелал львовского архиерейского престола и бил челом волошскому господарю, чтобы писал об нем ко мне. Господарь ко мне написал, но я ему отказал, что без ведома всех православных львовских жителей в епископы поставить мне никого нельзя. Тогда этот латинец нашел в Волошской земле двоих запрещенных митрополитов, которые и посветили его в епископы в городе Сочаве и

отпустили во Львов, но львовские православные на престол его не пустили и выбрали набожного и доброго человека, инока Иосифа, ко мне его прислали, и я поставил его к ним в епископы. Но латинец Симеон бил челом Дорошенку и Тукальскому, чтобы они об нем писали ко мне, и они написали, что Симеон этот человек добрый, ученый и христианин православный. С грамотами их приехал ко мне браславский протопоп Романовский. Я отвечал, что уже епископ поставлен во Львов, а Симеона посвящал неведомо кто. Тогда Романовский поехал к султану, и я получил грамоту от каймакама Мустафы паши, что султан приказывает мне исполнить то, о чем писал Дорошенко. Я не послушался, но Романовский поехал в другой раз к султану и привел мне грамоту уже от самого султана, чтобы я сейчас же исполнил Дорошкову просьбу. Тут делать мне было нечего: отставил я епископа Иосифа и благословил Симеона. В это же время протопоп Романовский бил мне челом, что во время войны Демьян Игнатович пограбил у него имение и до сих пор им владеет и чтобы я, патриарх, предал за это Демьяна проклятию, а того мне не сказал, что Демьян - гетман и царского величества подданный. Я, посоветовавшись со всем собором, дал Романовскому на Демьяна проклятую грамоту, в которой написано: если действительно так, как доносил Романовский, то анафема".

"Учини, святейший патриарх, по прошенью царского величества, - начал Христофоров, - изволь дать прощальную грамоту гетману Демьяну Игнатовичу и с тем отпусти меня к царскому величеству". "Никак мне этого сделать нельзя, - отвечал патриарх, - если бы от этого мне одному приключилась беда, то я принял бы с радостью, но опасуюсь, чтоб не нанести беды всему христианству; пошлю я к Демьяну Игнатовичу прощальную грамоту, а он станет этим хвалиться, узнает Дорошенко, тотчас отпишет к султану, и будет от этого великое кровопролитие".

"Опасаться тебе этого нечего, - возражал Христофоров, - прощальную грамоту отвезу я к царскому величеству, и царское величество изволит отослать ее к гетману и прикажет, чтобы держал ее при себе, для души своей, а хвалиться ему пред народом не для чего". "Вот посмотри, - отвечал патриарх, - какую сочинили ложную грамоту, будто я писал ее к великому государю. Грамота объявилась у визиря; визирь призывал меня и хотел было погубить, да, спасибо, оправдали меня добрые люди; однако дело стоило мне с пятьсот мешков". Наконец патриарх дал грамоту.

В Константинополе патриарх боялся Дорошенки, как присяжника султана; а в Чигирине Дорошенко уверял греческого архиерея в своей преданности православному монарху. Весною 1671 года заехал к нему греческий архиерей Манассия, отправлявшийся в Москву, и Дорошенко начал ему говорить: "Писать я к царскому величеству не смею, донеси великому государю, что мы ради ему служить, от польского насилия принуждены мы на время поддаться агарянину. Чтобы великий государь для святой восточной церкви принял нас под свою руку, держал бы нас, как

держит наших братьев той стороны; а если не захочет принять, то помирил бы нас с польским королем, В 68 году приходил я в царские заднепровские города с татарами по прошенью Ивашки Брюховецкого и иных старшин; однако и тогда я козаков и татар до бою с царскими ратными людьми не допустил, взятых государевых воевод и ратных людей в Москву многих (!) отпустил, хотя и претерпел за то от татар большую беду; полковников, которые с Демьяном Игнатовичем царскому величеству поддались, не подговаривал и вперед подговаривать не буду. Чтобы гетман той стороны со мною в дружбе был и запорожских посланцев королю не пропускал; а ссоры все от запорожцев: чтобы великий государь ни в чем им верить не изволил. Если государь пришлет ко мне свой указ, то я и Стеньку Разина к его царскому величеству по-прежнему в подданство наговорю". В Каневе Тукальский объявил Манассии, что как скоро государь обнадежит их, что примет в подданство, то он, митрополит, сейчас же сам поедет в Москву, а теперь ехать и писать не смеет, потому что и прежние его письма объявились у поляков. В грамоте своей к царю Дорошенко особенно нарекал на запорожцев, которые, по его словам, и при Богдане Хмельницком, и при других гетманах творили великое смятение между русскими христианами, над бесчисленными благочестивыми людьми убийства, мучительства и кровопролитие исполняли. "Сам я, - писал Дорошенко, - восточной церкви уд, и потому, ища добра церквам российским, тебя, православного государя, за главу себе имею".

Летом 1671 года на западной стороне Днепра началась война: с одной стороны, Дорошенко с турками и татарами, с другой - поляки пустошили несчастную страну; Ханенко и Серко были на стороне польской. Но и восточная сторона не была покойна. В конце 1671 года в Москве узнали, что гетман Многогрешный обнаруживает сильное неудовольствие вследствие неопределения границ между Малороссиєю и Литвою по реке Соже. "Если царское величество, - говорил гетман царскому посланцу, подьячому Савину, - изволил земли наши отдавать королю понемногу, то уж изволил бы нас и всех отдать, король будет нам рад! Но у нас на этой стороне войска тысяч со сто, будем обороняться, а земли своей не уступим. От нас задору никакого нет и не будет, а за правду будем головы свои складывать. Ожидал я к себе царского величества милости больше прежнего, а царское величество изволил нас в неволю отдать: наших купцов польские люди грабят и в тюрьмах держат, около Киева разоряют, а великий государь ничего им не сделает и нас не обороняет; если б мы сами себя не обороняли, то давно бы нас поляки в неволю побрали; а на оборону от московских людей надеяться нам нечего". Все это говорил гетман с сердцем и тотчас же поехал с челядью своею в поле. Тамошние люди Савину сказывали: когда гетман сердит или в каком сумнительстве, то все ездит по полям и думает про всякие дела.

Гетманом действительно овладело сильное сумнительство. "Я, - говорил он, - нынешнего своего чина не желаю, потому что очень болен, желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мне смерть приключится, то у

козаков такой обычай - гетманские пожитки все разнесут, жену, детей и родственников моих нищими сделают; да и то у козаков бывает, что гетманы своею смертию не умирают: когда я лежал болен, то козаки сбিরались все пожитки мои разнести по себе".

Для объяснений по делам польским в январе 1672 года к Демьяну 15 Ватурин явился стрелецкий полуголова Танеев. "Точно, - сказал гетман Танееву, - я говорил, что великий государь изволил отдавать землю нашу понемногу, говорил для того, чтобы великий государь пожаловал, поляков пускать за Днепр и за Сожу не велел: только их пустить за реку Сожу, и они станут вступаться в малороссийские города, земли и угодья, станут называть города многие на этой стороне Днепра своими; правда их и постоянство мне известны, на чем пункты ни станоят, никогда того не держатся". В Батурине при гетмане жил в это время голова московских стрельцов Григорий Неелов, он порассказал Танееву много новостей: ездил нежинский протопоп в Новгородок-Северский к архиепископу Лазарю Барановичу, заехал по дороге в Батурин, был у гетмана, и тот начал ему говорить: я узнал, что государь указал быть на мое место гетманом киевскому полковнику Константину Солонине, а меня отставить. Протопоп отвечал ему, чтобы он не верил таким словам, государь его жалует и никогда не переменит. Гетман осерчал и хотел своими руками отсечь протопопу голову саблею у себя в светлице и бранил его всячески, кричал: ты заодно с москалями мною торгуешь! Протопоп перепугался, не стал при гетмане сходить с Нееловым и ему подходить к себе не велел. виделся с ним тайно у церкви и велел беречься, чтобы какого лиха от тех слов не сделалось в Украине".

Симеон Адамович сам описал Матвееву разговор свой с гетманом: "Яко изначала начал я за помощью божиею служить верно великому государю, тако и ныне сколько могу служу и радею; только нынешней наглою нашедшей на гетмана скорби никоими притчами и мерами исцелити не могу. Некто крамольник вмести гетману, будто великий государь Константина Солонину гетманом запорожским учинил. Зело о том сетует; скорбит о том, что Пиво с ляхами около Киева монастыри и монастырские отчины попустошил; спрашивает, по коих мест граница с ляхами? А мне почему знать! И о Киеве сетует и говорит, буде Киев великий государь отдаст? И я ему клянуся душою и священством, что ничего того великий государь не мыслит, и на меня оскорбился, смертною казнию грозя: если что с Москвы послышу непристойное, велю тебя лютою смертию уморити. И я ему сказал, что за истину и за великого государя готов умереть, а то все сказывают ложь, и его милостию государскою беспрестанно обнадеживаю, а как увидал конечную его непреклонную скорбь, приехав из Батурина февраля г. 1-е, посоветовав с думным дворянином, с Ив. Ив. Ржевским, нарочно скорым гонцом в. государю и твоей милости о том вестно чинил. Бога ради, попецйтесь, как скорее посылайте какова умна человека от в. государя к гетману с грамотою, обнадеживая его, опишите о Киеве и о границе, что Киев не в отдаче ляхам, и о том, что о Солонине на гетманство

и не помышляется, потешьте, господа ради!" Вслед за грамотою протопоп вместе с есаулом Павлом Грибовичем отправился в Москву в послах от гетмана.

Действительно, молва о смене Многогрешного (Солониною неведомо откуда шла по Украине; но мы знаем, с какою легкостью верили в Украине всякой молве; приверженцы Демьяна встревожились не меньше его самого. К нежинскому воеводе Ржевскому пришел того же города козацкий полковник Гвинтовка и начал говорить, что царь велел переменить гетмана и всю старшину. Ржевский позвал его к себе обедать; тот не пошел и сказал: "Как к вам идти? Какие вы добрые люди, что так делаете непостоянно?" Старая сказка об уступке Киева и всей Малороссии королю польскому опять пошла в ход. Многогрешный говорил Неелову: "Государь с королем помирился, город Киев и нас всех уступил полякам; но если так сделано, то мы все, покиня жен своих и детей у царского величества, пойдем головами своими против поляков бороться; Киева, Печерского монастыря и малороссийских городов в королевскую сторону не отдадим, у короля в подданстве никогда не будем; дал мне знать об этом Дорошенко, а Дорошенку сказывал польский посол". Когда пронесся слух о смене Демьяна Солониною, то гетман пил непомерно и сердит был многое время, с Нееловым не говорил ничего и к себе не призывал, пьяный изрубил саблею переяславского полковника Дмитрашку Райчу, так что тот слег от ран. В другой раз, напившись, бил по щекам и пинками и хотел рубить саблею судью Ивана Домонтова, насилу Неелов отнял у него саблю, за что Демьян бранил его москалем. "Но когда гетман не пьет, - говорил Неелов Танееву, - то у него все рассматрительно; теперь вся старшина боится его взгляда и говорить ни о каких делах не смеют, потому что гетман стал к ним непомерно жесток. Судьи очень тужат; говорили мне, что гетман теперь стал очень сердит на них, всех старшин: только кто молвит слово - он и за саблю, спуску никому нет, стародубского полковника Петра Рословченка он переменил, велел быть полковником брату своему родному, Савве Шумейку; Рословченко сидит в Батурине за караулом, за что сидит - никто не ведает и бить челом никто за него не смеет. Старшины - обозный Петр Забела, и судьи, и Дмитрашка Райча в. государю служат верно и обо всяких новостях мне дают знать, только боятся со мною видеться днем, потому что беспрестанно гетман велит челядникам своим за ними смотреть, чтобы они с московскими людьми не сходились, с новостями приходят они ко мне по ночам; я привел их к присяге: целовали образ Спасов, что быть им неотступно под государевою рукою. Однажды говорил со мною гетман: как бы царское величество изволил той стороны Днепра гетмана Петра Дорошенка принять под свою высокую руку, то он бы, Дорошенко, был на той стороне Днепра гетманом, а я на этой стороне; Дорошенко бы ту сторону от неприятельских людей оберегал, а эта сторона была бы в мире и тишине, на сю сторону Дорошенко неприятелей не пускал бы". Неелов объяснил и причину такой внезапной перемены в отношениях Многогрешного к Дорошенку: гетман, говорил он, ссылается тайно и беспрестанно с Дорошенком, на банкетах пьет здоровье Дорошенка

и меня пить заставляет. Был гетман на банкете у полковника Дмитрашки Райчи и говорил всей старшине: "Видите вы, какая ко мне великого государя неизреченная милость: прислан ко мне полковник Григорий Неелов с полком, и у него стрельцов в полку с 1000 человек". Старшина говорила: "Если бы не царская милость и не раденье батьки нашего и доброддея, неотступного просителя государской милости ко всей Украине Артемона Сергеевича Матвеева, если бы хотя мало присылка Танеева запоздала, то быть бы в Украине большим бедам, должно быть, ангел благовестил великому государю, что на эти лихие часы, в таких наших смутных бедах прислал своего посла, его приездом все у нас пошло хорошо по-прежнему, и многие души освободились от невинного турбования". Неелов говорил Танееву: "Если гетман станет пить по-прежнему, то я боюсь беды; ключи городские у меня; кто откуда ни приедет, гетман приказал мне, расприся, посылать к себе".

Когда в Москве получена была грамота Симеона Адамовича, то поскакал в Батурин Малороссийского приказа переводчик Григорий Колчицкий с царскою грамотою к гетману. Государь писал: "Нашего указа не бывало, чтобы Солонине быть гетманом; мы никогда не назначим гетмана без челобитья всего Войска Запорожского и без рады войсковой даже и по смерти твоей, Солонина удержан в Москве для переговоров с польскими послами". Выслушав грамоту, гетман сказал: "В грамоте написано: государю ведомо учинилось, что я пребываю в великом сомнении насчет Солонины; а от кого ведомо учинилось - в грамоте не сказано?" "Великому государю и мне это неизвестно, - отвечал посланный. - Если слух пошел от малороссиян, уйми их по своим правам; если от московских ратных людей, отпиши об них к в. государю". "О назначении Солонины, - сказал гетман, - слышал мой слуга в Киеве. Тот же слуга сказывал мне, что жена Солонины разослала по Киевскому полку листы, приказывая, чтоб готовили станцию к приезду мужа ее. Я велел ей быть в Батурин для допросу". При Колчицком приехала она в Батурин и объявила, что ничего не слыхала и ни о чем не приказывала. Гетман велел отпустить ее в Киев. Посланный обнадеживал гетмана и насчет Киева, что никогда не будет отдан полякам; гетман отвечал, что ни в чем не сомневается, но потом высказал новую причину неудовольствия на Москву: "Какая мне и Войску честь от великого государя? На Глуховской раде постановлено, что при переговорах с поляками присутствуют посланцы Войска Запорожского с вольным голосом, а теперь на Москве посланцев наших и в палату не пускают. Войску Запорожскому от того бесчестье и печаль великая!" "После переговоров, - отвечал Колчицкий, - полковнику Солонине и товарищам дают знать обо всем и ответные письма объявляют". "Как тому верить? - возразил гетман. - Показывают что написано русским письмом: вольно что хотят написать, а нам тут большое сомнение", "Не одни русские письма показывают, но и польские", - отвечал посланный, уверяя гетмана, что его служба и раденье не будут забвенны у великого государя. "Если б я мыслил зло, - сказал гетман, - то этих слов не объявлял бы". Но еще Колчицкий был в Батурине, как 20 февраля Неелов дал знать нежинскому воеводе

Ржевскому, что в Батурине становится мятежно и чаёт он беды: пришел в Батурин Ворошиловский полк, и козаки этого полка расставлены по тем же дворам, где стоят стрельцы, и козаки говорят стрельцам непристойные слова, от которых и прежде была беда. Сам Ржевский писал к киевскому воеводе князю Козловскому, сменившему Шереметева, что сын нежинского полковника Гвинтовки объявил ему, что гетман Демьян посылает в Киев Стародубский полк брата своего Шумейка, да из Батурина Ворошиловский полк. Ржевский в той же грамоте жаловался Козловскому, что Гвинтовка начинает быть к нему недобр и жители нежинские не по-прежнему ласковы. Пришел в Киев гоголевский поп Исакий и объявил воеводе: "Был я в Терехтемировском монастыре и слышал от тамошнего игумена, что гетман Демьян и полковники разных городов переяславской (восточной) стороны часто списываются с гетманом Дорошенком о том, чтобы им не допустить государя до миру с польским королем, а если государь отдаст Киев польскому королю, то им соединиться всем с обеих сторон, за Киев стоять и с поляками биться".

В Батурин опять поскакал только что возвратившийся оттуда Танеев. Выслушав успокоительную царскую грамоту, гетман долго молчал, потом начал: "Как мне, начальным людям и всему Войску Запорожскому не иметь опасения, видя, что великий государь Киев и эту сторону Днепра отдает ляхам в вечную нестерпимую неволю, посрамление и бесчестие, церкви божию на унию, разорение и запустение отдает тайно, потому что во время переговоров в Москве нашим посланцам не позволили сидеть в посольской избе и вольных голосов иметь, держат их на Москве как невольников, отговариваются тем, будто королевские послы этого не хотят, называя их своими холопями. Но это сделали не королевские послы, а царские бояре, чтобы отдача Киева и малороссийских городов была неведома Войску Запорожскому. Этим Войско Запорожское навеки обещено; поляки станут смеяться над нами и в хроники вперед для спору напишут, что Москва козаков в посольство не допустила. Когда ранят кого в лоб, то хотя рану и залечат, но знак се до смерти останется; так и нам этого бесчестья вечно не забыть. А великий государь город Киев и все малороссийские города не саблею взял - поддались мы добровольно для единой православной веры. Если Киев, малороссийские города, я и все Войско Запорожское великому государю не надобны, отдает королю, то он бы воевод своих из этих городов велел вывести, мы сыщем себе другого государя. И Брюховецкий, видя московские неправды, много терпел, да не утерпел, и хотя смерть принял, а на своем поставил: так и я, видя неправды великие, велел в Чернигове большой город от малого городка отгородить, а что от этого сделается, бог ведает. Да и время нам искать другого государя, кроме короля, а под королевскую руку не будем, хоть до сущего младенца помрем. Поляки хотят на московские деньги идти на Дорошенка, усмирить его и потом взять Киев и малороссийские города; но мы, Войско обеих сторон Днепра, соединясь с турецким войском и с татарами, пойдем против польских сил, и хотя все помрем, а Киева и малороссийских городов не дадим. Да и дожидаться не станем: после Светлого воскресенья

пойдем в Польское государство войною великим собраньем; Варшава и все польские города не устоят, будут сдаваться, потому что во всех городах православия много, разве устоит Каменец-Подольский, и то ненадолго; ни один поляк не останется, разве православной веры, и посполитые люди под державою турецкого султана будут; а как над Польским государством что учинится, так и другому кому тоже достанется. Государь пишет, что список с договорных статей пришлет с полковником Солониною; но я и все Войско этим спискам не верим, чего глаза наши не видали и уши не слышали. И так много ко мне писем с Москвы присылают, только бумагою да ласковыми словами утешают, а подлинного ничего не объявляют, много с поляками договоров чинят, а границы не учинят; а поляки мало-помалу Малороссийский край заезжают, полковник Пиво около Киева все запустошил, людей побивал в посадах. Гомельцы просят к Войску Запорожскому, и мне не принять их нельзя, Войско никого не отгоняет, да и время мне свой разум держать. Писал я к царскому величеству о Дорошенке и запорожцах; мне дают знать, что с ответом скоро приедет голова московских стрельцов Колупаев; но он прислан не для тех дел, знаю я, для чего он приедет, да пусть нездоров приедет. И ты если еще ко мне с неправдою приедешь, то будешь в Крыму, потому что и ты у поляков набрался их лукавых нравов. Как польские послы, набравшись на Москве денег, пойдут в свою землю на Смоленск или на другие тамошние города, то наши козаки эту казну с ними разделят; а хорошо, если бы они пошли на малороссийские города, тогда и нам бы что-нибудь досталось". Получивши такой прием, Танеев бросился к Неелову; тот подтвердил, что Демьян, конечно, соединился с Дорошенком, с ним и с его стрельцами обходится не по-прежнему, на караулах велел стоять стрельцам с убавкою, а которые ставились по форткам, тех велел свести. "Старшины, - продолжал Неелов, - обозный Петр Забела, судьи и полковник Дмитрашка Райча, государю служат верно, про всякие ведомости мне знать дают; они говорят, что Демьян государю изменил, соединясь с Дорошенком, поддался турецкому султану, дал Дорошенку в помощь на войско 24000 ефимков, во всех полках поместил полковниками родню свою, братьев, зятей и друзей и хочет сделать так же, как и Брюховецкий; имение свое из Батурина вывез в Никольский Крупицкий монастырь и в Сосницу; брату своему Василью велел большой Чернигов отгородить от малого городка, в котором царские ратные люди, и шанцы сделать, а имение ему велел вывезть из Чернигова в Седнев; сам Демьян хочет идти с женою и детьми из Батурина в Дубны 15 марта. Наконец, Многогрешный, призвав старшину, объявил, что государь к нему пишет всю старшину прислать в Москву, а из Москвы разослать их в сибирские города на вечное житье".

Ночью на 8 марта Танеев и Неелов отправились к Петру Забеле в стрелецких зипунах, с бонделерами и бердышами. Там кроме хозяина были судьи Иван Домонтович и Иван Самойлович и Дмитрашка Райча. Как увидели старшины московских людей, залились слезами и повели жалобную речь: "Беда наша великая, печаль неутешная, слезы неутолимые! По наученью дьявольскому, по прелести Дорошенковой гетман, забыв

страх божий и суд его праведный, царскую милость и жалованье, великому государю изменил, соединился с Дорошенком под державу турецкого султана. Посылал гетман к Дорошенку советников своих чернецов, и Дорошенко при них присягнул ему, а чернецы присягнули Дорошенку за гетмана; потом Дорошенко прислал к гетману Спасов образ со своими посланцами, и гетман клялся при них, и посланцы дали ему клятву за Дорошенка. После этой присяги гетман послал Дорошенку в помощь на жалованье войску 24000 ефимков. К нам, старшине, гетман стал безмерно жесток, не даст ни одного слова промолвить, бьет и саблею рубит, во всех полках поделал полковниками и старшиною все своих братьев, зятей, друзей и собеседников. Говорит, будто послал Ворошилов полк по вестям к Днепру; но послал он его не к Днепру, а в Лубны к зятю своему и велел поставить на Чигиринской дороге; во все полки разослал универсалы, будто татары вышли к Дорошенку, и изо всех мест велел идти в осаду, точно так же как и Брюховецкий делал. Имение свое все из Батурина вывез в Никольский Крупицкий монастырь, а из монастыря в Сосницу; сам с женою и детьми хочет идти в Лубны 15 марта, а славу пускает, будто идет в Киев молиться; нас, старшину, возьмет с собою; мы боимся, как только нас из Батурина вывезет, велит побить, или в воду посадить, или по тюрьмам разошлет; да и то опасно: как поедет из Батурина, велит после себя по воротам стать мужикам силою, стрельцы пустить их не захотят, и оттого начнется задор, кровопролитие великое, что и будет началом войны. Стрельцов в Батурине мало, да и те худы, надеяться на них нельзя. Неелова, выманя за город, не связал бы и в Крым не отдал; давно бы он над ним и над стрельцами сделал дурно, да мы по сие время берегли. Да и вас отпустит ли, а если и отпустит, то в Кролевце и Глухове будут обыскивать писем. Степана Гречаного, который был в Москве с полковником Солониною, заведши в комнату, привел к присяге, что быть с ним заодно, и велел ему писать то, чего отнюдь на Москве не бывало, чтоб этим отвратить Украину от государя. Однажды гетман созвал к себе всех нас и говорил: царское величество издавна пишет ко мне, чтоб я всю старшину прислал в Москву, а из Москвы хочет сослать в Сибирь навеки: мы ему в этом не верим: затевает он своим злым умыслом. Как будет в Лубнах и Соснице, сберет к себе всю старшину и духовных, прочтет им письма Степана Гречаного также об отсылке всей старшины в Сибирь и станет говорить: "Видите, как Москва обманчива; что нам от них доброго ждать?" В Лубны Дорошенко пришлет к нему татар, а после и сам где-нибудь с ним увидится". Райча объявил: "Призывал меня гетман ночью и велел целовать Спасов образ, что быть с ним заодно и государевых ратных людей побивать, после чего подарил мне свой лук. Я эту присягу в присягу не ставлю, потому что присягал неволею, убоясь смерти, да и не по правде". Старшины просили, чтобы Танеев передал все это Матвееву, а тот бы доложил государю: чтобы великий государь не отдал отчины своей злохищному волку в разоренье, изволил в Путивль прислать наспех самых выборных конных людей, человек 400 или 500, а к ним прислать свою милостивую обнадеживательную грамоту. Они и Неелов дадут ратным

людям знать, чтобы прибежали в Батурин наспех: можно на Конотоп поспеть об одну ночь, но еще до их приезда они свяжут волка и отдадут Неелову, а когда приедут ратные люди, отошлют с ним в Путивль и, написав все его измены, повезут к великому государю сами. Вся беда чинится от советников его, протопопа Симеона Адамова, есаула Павла Грибовича, батуринского атамана Еремея, а промышленник во всем нежинский полковник Матвей Гвинтовка. Больше всех ссорщик протопоп Семен: посылает его гетман на Москву для проводывания всяких вестей, а тот, желая его удобрить, сказывает ему то, чего не бывало. "Глуховские статьи становил я, - сказал Забела, - в них написано: духовного чина в посольстве не посылать и не принимать, а именно нежинского протопопа Семена Адамова. Если сего злохищника Многогрешного бог предаст в руки наши, то чтобы великий государь пожаловал нас, велел быть гетманом боярину великороссийскому, тогда и постоянно будет; а если гетману быть из малороссийских людей, то никогда добра не будет". Между тем виновники всего зла, по словам старшины, протопоп Симеон Адамович и есаул Грибович отправили свое посольство к Москве, подали информацию от Демьяна Игнатовича. Гетман просил о размежевании Малороссии с Литвою, жаловался, как смели польские послы не пустить козацких посланцев к заседанию при переговорах: "Время господам ляхам перестать с нами так обращаться, потому что с таким же ружьем, с такими же саблями и на таких же конях сидим, как и они; пусть знают, что еще не засохли те сабли, которые нас освободили от холопства и от тяжелой неволи. Молим царское величество, чтобы господа ляхи не смели больше называть нас своими холопами. Довольно нашего терпения! Польский полковник Пиво пустошит хутора киевские, захватил шесть человек и куда девал - неизвестно; мы послали бывшего черниговского полковника Лысенка в Киев; тот обратился к воеводе князю Козловскому с просьбою о помощи. "Не могу тебе помочь, - отвечал воевода, - потому что от царского величества задирать поляков указа не имею". Посланные должны подать царскому величеству роспись убытков, причиненных Пивом, и спросить, неужели гетману и войску оставаться долее в таком смущении?"

Смущение кончилось, ибо Забела с товарищами исполнили свое обещание: в ночь на 13 марта они схватили Многогрешного и отправили в Москву с генеральным писарем Карпом Мокриевичем. Братья Многогрешного Василий и Шумейка, услышав о судьбе гетмана, скрылись. 6 апреля тайно пришел к киевскому воеводе князю Козловскому Киевобратского монастыря ректор игумен Варлаам Ясинский и стал умолять, чтобы о его извете не сведали малороссийские духовные и мирские люди. Воевода обещал глубокую тайну, и Варлаам начал: "Пришли ко мне два монаха и показали проходной лист от игумена Максаковского монастыря Ширковича и сказали, что пришли за своими делами, я их отпустил уже из кельи, но один из них вернулся и начал меня упрашивать: умиლოსердись, отец ректор, вели меня проводить до Печерского монастыря, чтобы меня московские люди, киевские козаки и жители не опознали: я гетмана Демьяна брат, Василий Многогрешный! Теперь он у меня". Воевода сейчас

же послал захватить беглеца в Братском монастыре и привести в приказную избу, где его допросили и отправили в Москву.

Здесь, ничего не зная, отпустили в начале марта гетманских посланцев, протопопа Симеона Адамовича и Грибовича, и вместе с ним отправили обещанного стрелецкого голову Михайла Колупаева. 15 марта Колупаев подъезжал к Севску, как навстречу ему прискакал стрелец от севского воеводы и подал письмо. Воевода уведомлял, что пригнал к нему гонец из Путивля с вестию: гетмана Демьяна, скованного, привезли в Путивль генеральный писарь Карп Мокриев да полковники Рословец и Райча и везут к великому государю, обвиняя в измене. Колупаев отвечал воеводе, чтобы он постарался задержать в Севске протопопа Адамовича с товарищами под предлогом недостатка подвод, пока не объяснится гетманское дело, да послал бы воевода поскорее в Малороссию проведать про это дело. Хитрость не удалась: когда воевода объявил Адамовичу, что подвод нет, то на другой день протопоп с товарищами пришел и сказал, что подводы они сами себе собрали и поедут наперед одни. "Нельзя вам одним ехать, - говорил Колупаев, - грамота к гетману у нас с вами одна". Тут Грибович с товарищами начали кричать и порываться из избы вон: "Поедем одни, ждать вас не будем!" Колупаев принужден был объявить им, что про гетмана пришли недобрые слухи и потому надобно подождать вестей подлинных. "От гетмана мы никакого дурна не чаем, - отвечали козаки, - если бы он хотел сделать что дурное, то бы нас с протопопом к великому государю не посылал". С этими словами Грибович с товарищами вышли, но Адамович остался и начал рассказывать, что действительно гетман с некоторого времени начал быть не по-прежнему: "Мне гетман велел доведываться подлинно в Москве, будут ли отданы Малороссия и Киев королю? И если это правда, то он хотел послать тотчас же войско для занятия Гомеля. Когда я его спрашивал, на кого он надежен, то он мне отвечал: на того же, на кого и Дорошенко; Брюховецкий згинул за правду, пусть и я згину так же: Нежин покину, в Переяславле московских людей мало, Чернигов осажду, а сам пойду до Калуги. На Запорожье послал 6000 талеров, чтобы запорожцы были ему послушны. Теперь слух есть, что гетмана скованного везут в Москву, и мне в Нежин ехать незачем, буду государю бить челом, чтобы жить мне в Москве". "Живи по-прежнему в Нежине и служи великому государю правдою по-прежнему", - сказал Колупаев. "И в Брюховецкого измену много мне было мученья, имение потерял; мы с Райчею Спасов образ поцеловали на том: если гетман Демьян изменит, то нам совсем уезжать в Путивль". 17 марта приехали в Севск Карп Мокриевич и полковник со своим колодником, и 19-го Колупаев и Адамович поехали с ними в Москву. В Москве распорядились: 17 марта разосланы были в разные места ратные люди для проведывания всяких вестей, слушать и рассматривать о козаках и мещанах, какие от них мысли и слова станут исходить за то, что гетман взят, и впредь чего от них чаять и каковы верностию великому государю? Возвратившись, посыльщики сказали одни речи: козаки, мещане и вся чернь великого государя державе рады, за гетмана никто не вступается, говорят и про всю

старшину, что им, черни, стало от них тяжело, притесняют их всякою работою и поборами; ни один гетман так их не тяжелил и в порабощенье старшинам и союзникам своим не выдавал, как нынешний Демка: да и вперед от старшин своих того же чают и хвалят прежнее воеводское владенье - в то время им легко было; а не залюбили воеводского владенья старшина, что не панами стали: привели их старшина неволею к смуте, напугали татарами, а теперь сколько татарами и поляками ни пугали - не поверили. Про старшину говорят: только бы не опасались ратных людей великого государя, то всю бы старшину побили и пограбили; а больше всех недовольны нежинским полковником Гвинтовкою, Василием и Савою Многогрешными, переяславским полковником Стриевским, черниговскими сотниками - Леонтием Полуботком и Василием Бурковским, бывшим полковником Дмитрашкою Райчею. Про генерального судью Ивана Самойлова и про генерального писаря Карпа Мокреева ничего доброго не носится. Про писаря говорят, что давно за гетманом измену ведал; а как пришла причина на гетмана явная, то и начал выносить на гетмана, а до явной причины писарь ничего не объявил.

25 марта подьячий Алексеев поехал в Батурик старшине с милостивым словом; на дороге многие черкасы ему говорили: "Чтобы царскому величеству прислать к нам своих воевод, а гетману у нас не быть, да и старших бы всех перевести; нам было бы лучше, разоренья и измены ни от кого не было бы; а то всякий старшина, обогатясь, захочет себе панства и изменяет, а наши головы гинут напрасно". Через 2 дня по отъезде Алексеева из Москвы, 28 марта, привезли туда Демьяна Игнатова, и генеральный писарь Карп Иванович Мокреев рассказывал: "14 марта Демко собирался идти из Батурина со всею старшиною и с Григорьем Нееловым, говорил, будто идет по обещанию в Киев молиться, но Ворошилов полк стоял в Ичне наготове, да и Волошской хоругви, которая стояла в Ольшовке, велел идти к себе же; собравшись со всем войском, хотел он остановиться в Лубнах недели на две, чтобы в это время ссылаться с Дорошенком. Мы, старшина, видя, что он, Демка, великому государю конечно изменил, нас хотел побить до смерти, обозного Петра Забелу и судью Ивана Домонтова отдать в неволю к Дорошенку: думая, что и Неелову со стрельцами добра никакого не будет, потому что Демка в глаза сказал Неелову, что отсечет ему голову с бородою: видя все это, мы ночью на 13 марта пришли в малый городок и около гетманского двора тайно расставили стрельцов на сторожу, потом, собравшись с ружьем, вошли к нему в хоромы тайно же, а он в ту пору спал; полковник Дмитрашка первый вошел к нему в спальню и в темноте стал спрашивать, где тут Демка? Тот проснулся, вскочил с постели и стал было обороняться, но тут мы все вошли, взяли его силою и отвели на двор к Григорью Неелову. Здесь, у Григорья в избе, Демка рвался к ружью, хотел с нами биться; но я, до ружья его не допустя, поранил его в плечо из пистолета; от этой раны Демка сел: тут мы его сковали и в малый город привели. Он, Демка, передо всею старшиною говорил: "Соберу тысяч с шесть войска конных добрых людей и пойду на великороссийские города войною, а

больше того войска мне не надобно, будет мне в помощь хан крымской по весне, как трава пойдет; тогда поймаю Артема за волосы и знаю, что над ним сделаю". Братство и сватовство у него с Дорошенком ближнее, потому что Дорошенко сговорил дочь свою за родного его племянника Мишку Зиновьева, сватовство шло через Куницкого. Турского султана хвалил он, Демка, беспрестанно, говорил: лучше мне быть под турским, чем под московским царем: говорил всей старшине, будто Москва неправдива и хочет с ляхами нас всех, малороссиян, посечь, а города запустошить, будто государь для этого посечения дал полякам много денег; говорил: я сам московским людям дам отпор своею храбростию, как Александр Македонский; тот был Александр, а я, Демьян, неменьше его, опустошу Московское государство, как и Александр воевал грады. Я ему говорил: попомни бога и присягу, для чего отступать? Лиха никакого мы не видали, живем во всякой вольности; подожди, как воротится из Москвы протопоп Симеон. "Я все знаю, - отвечал мне Демка, - нечего ждаться! Не хочу быть под царем; хоть приезжай кто из Москвы да весь Батурин наполни богатством, мне ничего не надобно!"

Генеральный писарь подал на бумаге: "Слова недостойные, которые из уст бывшего гетмана Демьяна исходили против высокого престола его царского величества: 1) Великим постом в своем доме говорил старшине о межеванье: видите, каково царское желательство к нам, пустил ляхам всю Украйну, учиня границу от Киева Десною и Сеймом до Путивля. 2) Говорил нам: подлинно я слышал от капитана, живущего в Чернигове, а тот слышал от самого царского синклита, велели этому капитану сказать мне: тебе приготовлено в царских слободах пятьсот дворов крестьянских, только ты нам выдай всю старшину и подначальных людей украинских. Когда мы отвечали ему: подожди отца протопопа, какая милость государская будет, то он сказал нам: бороды у вас выросли, а ума не вынесли. 3) Петру Забеле наедине говорил: заблаговременно надобно нам постараться о другом государе, а от Москвы нам добра нечего надеяться. 4) Судье Самойловичу говорил: видишь, что чинится: ляхи нам неприятели, а Москва им деньги на 30 000 войска дала, а как придется платить турку, то заплатят нами; надобно заранее позаботиться о сильнейшем государе, как Заднепровье сделало. 5) Прошлою осенью, взявши клятву с Андрея Мурашки хранить тайну, говорил: увидишь, что я Москве сделаю? Увидишь мою саблю в крови московской, я их и за столицу загоню, только вы будьте при мне неотступны. 6) Перед Масляницею говорил Дмитрашке Райче: у меня есть указ самого царя рубить Москву. 7) Говорил: вы не знаете, в какой чести царь московский и король польский у султана турского: королю польскому запретил называться целым королем, а только королем, а московскому велел сказать, что он так же его уважает, как черного татарина. 8) Все слова его досадительные страшно вспомнить: тогда слыша и теперь пишучи, члены наши трясутся".

Вслед за этим изветом старшина прислали другой: рассказ батуринского сотника Григорья Карповича, посыланного Многогрешным к Тукальскому

вместе с посланцем последнего Семеном Тихим. "Как мы приехали в Канев, - рассказывает Григорий, - то пошли к митрополиту, и Семен положил перед ним на столе икону, которую возил в Батулин. Митрополит, поцеловавши икону, спросил Семена: что там доброго учинили? Зачем был послан, все исполнил вашими молитвами, - отвечал Семен. Тут Иосиф подошел ко мне и, взявши за пуговицы, сказал: давно бы так, господин сотник, надобно было поступить вашему гетману: сами хорошо знаете, при ком хан, тот и господин; у султана столько силы, что и полякам и Москве даст себя знать, не только им на нас не придется наступить, и своих городов не оборонят; а теперь еще более испугаются, когда наши гетманы в неразрывном приятстве пребывают". "Если бы, - писали старшина государю, - мы выписывали все доказательства Демковой измены, то не уместили бы всего не только на листе бумаги, но и на воловьей коже". Лазарь Баранович также рассказывал присланному к нему стольнику Самарину: "Как скоро я узнал, что Демка ссылается с Дорошенком, то писал к нему, чтобы он эти ссылки прекратил и в Киево-Печерский монастырь молиться не ездил; он, прочтя мою грамоту, бросил ее по столу и сказал моему посланцу: знал бы архиепископ свой клубук!"

14 апреля бояре и думные люди съехались в Посольский приказ расспрашивать Демку Игнатова об его измене и кто с ним в той измене советовал? "Я великому государю изменить не хотел, - отвечал Демьян, - служил я ему верно, за Сожу не заезжал, полковников переменял по совету всей старшины: в Киев хотел ехать по письму печерского архимандрита, что от ляхов насилие и разорение: я посылал в Киев к воеводе князю Козловскому, чтобы он оборонил печерских людей от поляков, но писарь Карп присоветовал мне самому идти в Киев с обозом. С Дорошенком ссылался я о том, чтобы он на этой стороне никому обид не делал: к Соже посылал я по совету полковников и всех начальных людей, а больше писаря Карпа Мокреева; я хотел одного: сделать рубеж по Сожу". "Ты хотел сделать рубеж по Сожу - хорошо! - говорили бояре. - Но зачем же ты хотел овладеть Гомелем? Ведь Гомель за Сожею!" "В том воля великого государя, - отвечал Демьян, - хотя Гомель и за Сожею, но во время польской войны от него было малороссийским жителям великое утешение, поэтому я и велел было его захватить; если бы вперед была с поляками война, то малороссийским жителям было бы от Гомеля сбереженья великое, потому что он стоит над самою рекою Сожею".

Демьяна спросили: "Зачем он говорил царскому посланцу, что пусть бы уже государь их всех отдал королю, и прочее?" "Никогда не говорил", - отвечал Многогрешный. Позвали посланца, и Демьян на очной ставке повинился. "Говорил я это пьяным обычаем, беспамятством своим", - сказал он. Бояре спросили о речах его к Танееву, Демьян заперся: "Я ничего этого не говаривал, а говорил писарю Карпу: вот великий государь обрадовал нас своею грамотою насчет Киева; а писарь мне сказал: не всему верь, держи свой разум; не так бы сделали, как прежде: прислана была царская грамота к Брюховецкому, Войско Запорожское обнадежили, а

после того князь Данила Великого-Гагин с войском выслан, Золотаренка, Самка, Силича побил. Слыша такие речи от писаря, начал я быть в сомнении и в опасении от войск царских; в том перед великим государем виноват, а изменить не хотел".

"Для чего ж ты таких речей на писаря старшине и всему Войску не объявил и к царскому величеству не писал? - спросили бояре. - Да и какое тебе было спасенье! Разве ты не знаешь, что князь Великого-Гагин Золотаренка и Самка не бил, а был с войском на раде, потому что без царского войска вы бы на раде передрались?" "Я человек простой и неграмотный, - отвечал Демьян, - а к царскому величеству не писал спроста, думая, что писарь говорил правду, остерегая меня, виноват". Тут поднялся свидетель, протопоп Симеон, очутившийся опять в Москве. "Когда я ехал в Москву, - сказал он, - то говорил ему не однажды, укреплял, чтобы держался милости царской, напоминал, как Брюховецкий изменил и что с ним после того случилось, а он мне на это сказал: поезжай только в Москву, вот там тебя в Москве посадят!" Демьян повинился.

Спрашивали: "Зачем переменял обращение с Нееловым, зачем велел убавить стрелецкие караулы?" "Сам собою убавлять стрелецких караулов я не приказывал, - отвечал Демьян, - дело вот как было; однажды шел я в церковь и спросил, есть ли караульщики? Мне отозвались, что стоят два пятидесятника и с ними стрельцов человек со сто. Я спросил, нет ли им скудости в кормах. В кормах нет скудости никакой, отвечали они, только беспокойство великое от караулов. Я поговорил об этом с головою Нееловым и велел с караулу стрельцов понемногу убавить. Разговаривать с Нееловым я никому не заказывал и присматривать за ним не веливал".

На вопрос о сношениях с Дорошенком и о перемене полковников отвечал: "Чернецов к Дорошенку я об измене не посылавал, а присылал ко мне Дорошенко козака Сеньку Тихонова, потому что крымские татары на сей стороне, в Лубнах, взяли малороссийских жителей; Дорошенко татар этих разбил, полон отнял и возвратил на свои места. 24000 ефимков я к Дорошенку не посылавал, и посылать было мне нечего, потому что с начала гетманства и двух тысяч левков в собранье у меня никогда не бывало. А полковников и других урядников переменял по совету всей старшины".

"Зачем говорил старшине, что царь требует их в Москву для отсылки в Сибирь? Зачем велел Гречанову писать то, чего на Москве не бывало? Заставлял ли ночью Дмитрашка Райчу присягать, что будет с ним заодно? Посылал ли игумена Ширковича в Варшаву?" На все ответ отрицательный.

Явился на очную ставку Александр Танеев и начал уличать Демьяна по своему статейному списку. Обвиненный по-прежнему отрекся от всего. Но когда начал уличать его протопоп Симеон, что он ссылался с Дорошенком,

то Многогрешный отвечал: "Перед великим государем я виноват, Протопоповым речам я не внимал".

Бояре начали расспрашивать с великим пристрастием, чтобы Демьян вину свою принес, сказал правду, как с Дорошенком об измене ссылался, кто про их совет ведал и на чем у них положено? Если же не скажет, то будут пытаться. Демьян повторил, что никогда не думал об измене, с Дорошенком ссылался о любви и дружбе, чтобы тот не приходил войною на этот берег, и Дорошенко его к турецкому не подговаривал. "Вина моя одна, что я говорил неистовые речи в беспамятстве, пьянством", - прибавил он. "Если бы у тебя мысли об измене не было, - сказали бояре, - то ты бы все Дорошенковы грамоты присылал к великому государю". "Я человек простой и безграмотный, - отвечал Демьян, - положено все это на войскового писаря; я все грамоты приказывал посылать к царскому величеству; но писарь не посылал, умысля со старшиною на меня, чтобы отлучить меня от милости царского величества и измену на меня положить; у них, у старшин, всегда так ведется, как захотят учинить над гетманом какое зло, тотчас к тому его приведут; а я человек простой, ссылался с Дорошенком по его лесте, а измены никакой не мыслил".

Сделан был новый расспрос у пытки, и тот же ответ, что измены никакой не мыслил. Тут начал говорить батурицкий атаман Ерема Андреев: "Когда Демка посылал меня к Дорошенку, то приказывал сказать ему, что двое за один кожух торгуются; я его спросил, что это значит? И он мне отвечал, что Дорошенко это слово знает, только скажи так". "Я об этом не приказывал и не помню", - отвечал Демьян. Повели к пытке, дали 19 ударов. "Я про измену свою только на словах говорил, - винулся Демьян, - но с Дорошенком об измене не ссылался; кожух, о котором я с Еремою приказывал, значит то, что поляки хотят Киев взять, а царское величество отдать не хочет. Если бы поляки ссор делать не перестали, то я Гомель принять хотел, но про ту мою измену никто не ведал и в совете со мною не был, думал я один". Тут же распорядились с Матвеем Гвинтовкою: клали его руки в хомут и расспрашивали про Демкову измену; Гвинтовка отвечал, что ничего не знал и сам служил верно. На второй пытке Демьян говорил те же речи. Спросили о сношениях с Тукальским: "Как шел Паисий, патриарх александрийский, из Москвы на малороссийские города, то брат мой Васька бил челом ему и архиепископу Лазарю Барановичу о разрешении в убийстве жены и о позволении жениться на другой; патриарх и епископ простили его и жениться позволили, только велели дать в церковь милостыню: и он архиепископу Лазарю да митрополиту Тукальскому послал по лошади. Ко мне митрополит писал, чтобы позволено было ему брать дань с церковью Киевской области, и я ему в том отказал".

6 мая Артамон Матвеев и думный дьяк Богданов расспрашивали гетманова брата Василия Многогрешного, есаула Павла Грибовича и Дорошенковых посланцев. Василий Многогрешный отвечал, что ничего не ведает. Но ему

показали собственное его письмо к наказному полковнику Леонтию Полуботку, в котором он приказывал распорядиться с каким-то московским подьячим. "Этого подьячего, - писал Василий, - вынул из тюрьмы и дав вину, надгнети животом, а киями не бей, чтоб не было синяков, но так поддержи в руках, чтобы не забыл до века; будь в том надежен, ничего тебе за это не будет, только не води его к себе, а ночью пусть сторожа обвинят его, что хотел уйти". "Виноват, - отвечал Василий, - такой лист писал, потому что подьячий досадил нам своими словами, до начала войны Брюховецкого говорил самому гетману: самковы кафтаны мы носили, не закаиваемся и ваши носить".

"Если ты, - спросил Матвеев, - за братом своим измены никакой не знал и сам не хотел изменять, то зачем свое полковничество покинул, из Чернигова побежал и монашеское платье на себя надел?" "Виноват, - отвечал Василий, - а побег мой учинился оттого: в недавнем времени писал я к брату, что черниговский воевода беспрестанно просит лесу на городское строенье, город починил и бои поделал, что государевы ратные люди стали нас опасаться и осадю крепиться, да и про то стало слышно, что начальные люди нули льют: сказывал мне шляхтич половецкий, выходец с той стороны, что государевы ратные люди пули льют, хотят с козаками войну начинать. Я писал об этом к брату и самого половецкого к нему послал. Брат прислал ко мне выростка Ивашку сказать, чтобы я с черниговским воеводою и государевыми ратными людьми задору никакого не делал, а он, Демьян, ждет к себе из Москвы протопопа Симеона да Михайлу Колупаева с подлинным указом, и чаёт он, что поляки их с царским величеством ссорить и мутить больше не будут. Да тот же выросток Ивашка сказывал мне тайно: приехал из Москвы в Батурин чернец и сказывал ему, Ивашке, будто гетмана Демьяна велено поймать и к Москве послать. На другой день приходит ко мне полуполковник и зовет меня к воеводе сурово, чтобы я ехал тотчас. Я, видя, что меня зовут не по прежнему обычаю, испугался и начал догадываться, что брату моему, по чернецовой сказке, не здорово. Оседлав лошадь, поехал было я в город, а из города идет ко мне навстречу многая пехота с ружьями и бердышами: я тут и пуще испугался и побежал. Прибежал в монастырь Елецкой богородицы и говорю архимандриту Голятовскому, что мне делать? К воеводам ехать или бежать дальше? Как себе хочешь, говорит архимандрит, побеги дальше, а здесь тебе делать нечего. Я за Десну, в Никольский монастырь, покинул здесь лошадь свою и платье свое с себя скинул и надел монашескую ряску. Из Никольского пришел в Максаковский монастырь, к игумену Ширкеевичу; тот дал мне старца да челядника и велел проводить до Киева Десною в лодке".

Грибович отвечал, что ничего не знает, знает только, что Демьян дал Дорошенку займы 6000 золотых польских. Про отставку полковника Дмитрашки Райчи знает он вот что: слух пронесся, что Дмитрашка хочет передаться к ляхам или к Дорошенку; Демка послал за ним своих челядников, но Дмитрашка не поехал, заперся в Барышевке и говорил

гетманским посланцам: как погублены Самко и Золотаренко, так же и со мною хотят сделать! Тогда Демьян, взявши царских ратных людей и свои войска, пошел в Нежин; выехав из Нежина, встретил митрополита сербского и посылал его к Дмитрашке в Барышевку уговаривать; из Барышевки приезжал к гетману поп с Дмитрашковою женою бить челом за полковника. Демьян обнадежил их и велел Дмитрашке ехать к себе без боязни. Но как Дмитрашка приехал к нему в Басань, гетман велел его сковать и, привезши в Батуриин, отдал под караул, но потом по просьбе греческих митрополитов освободил и велел жить при себе в Батуриине, а на его место послал Стриевского. Стародубского же полковника Рославца переменил по челобитью козаков и черни за его налоги, переменил, поговоря со старшиною, и послал на его место брата своего Шумейку.

Василий Многогрешный уверял, что он хотел остаться в киевском Братском монастыре, но старец Максаковского монастыря объявил, что Василий пробирался к Тукальскому. Многогрешного опять взяли к допросу: зачем утаил, что хотел ехать к Тукальскому? "Виноват, - отвечал он, - испугался, хотел я бежать к митрополиту, чтобы он меня и от Дорошенка ухоронил, и царскому величеству не выдал; а чтобы, собравшись, с кем войну вести против великого государя - и в мыслях у меня не было; да если бы и хотел это сделать, да не мог, потому что, как был я на Запорожье, с запорожцами ссорился, а при Дорошенке писарь енеральный Войхеевич великий мне недруг; не до войны было, лишь бы от бед великих голову свою ухоронить, хотел я, все покиня, постричься".

28 мая на болоте за кузницами поставили плаху - будут казнить гетмана Демку Многогрешного и брата его Ваську. Привезли преступников и начали читать им вины, т. е. все поданные на них обвинения: "Ты, Демка, про все расспрашиван и пытан; и во всех своих изменных словах винился; а 20 мая старшины со всем народом малороссийским прислали челобитье, чтобы тебя казнить смертью в Москве, а для подлинного обличенья прислали батуриинского сотника Григорья Карпова, который от тебя к Дорошенку образ возил и присягал, что вам служить турецкому султану. Бояре и думные люди, слушав ваших распросных речей, приговорили вас, Демку и Ваську, казнить смертью, отсечь головы. Демку и Ваську положили на плаху: но бежит гонец и объявляет, что великий государь, по упрощенью детей своих, пожаловал, казнить Демку и Ваську не велел, а указал сослать в дальние сибирские города на вечное житье; бояре приговорили сослать к ним жен и детей. Та же участь постигла полковника Гвинтовку и есаула Грибовича. На другой день великий государь пожаловал, велел дать на милостыню Демке 15 рублей, Ваське 10 рублей, Гвинтовке и Грибовичу по 5: Многогрешным отдана была и вся их рухлядь, с которого привезены в Москву, несколько очень недорогих вещей. Семейство Многогрешного состояло из жены Настасьи, двоих сыновей - Петра и Ивана, дочери Елены и племянника Михайлы Зиновьева: с ними поехали две работницы. С Гвинтовкою отправилась жена его Ирина и двое сыновей, Ефим и Федор. В Тобольске велено держать ссыльных за

крепким караулом скованных, а из Тобольска разослать по разным острогам в пешую козачью службу. Участь ссыльных была отягчена вследствие бегства Грибовича. Тогда Многогрешного с товарищами, вместо того чтобы послать по острогам в козачью службу, велено держать скованных в тюрьмах "для того, говорилось в указе, что они забыли страх божий и нашу государеву милость, товарищ их Пашка Грибович из Сибири бежал".

Между тем еще 3 мая приехал в Москву старый черниговский полковник Лысенко и привез грамоту: старшина писали, что во время праздников воскресных полковники, сотники и атаманы, будучи в Батурине, приговорили быть раде в Конотопе, чтобы князю Ромодановскому с товарищами недалеко было идти, и на раде быть полковникам, сотникам, старшине войсковой и начальным людям, не собирая всего войска, чтобы не встало смятения в многочисленных толпах. Старшина давали также знать, что Иван Серко, отделясь от Ханенка, гетмана королевской милости, приехал в полк Полтавский для всеяния между народом бунтов; но полковник Жученко схватил его и прислал в Батурин. Наконец, старшина били челом об указе Ромодановскому оборонять их от своевольников.

Князю Ромодановскому и думному дворянину Ивану Ржевскому велено было отправиться в Конотоп на раду для гетманского обирания; но в начале июня Ромодановский дал знать государю, что в Батурине между старшинами начинается бессовестство: да у Батурина стоят козаки табором, и 26 мая приходило их человек 400 в город к старшине и говорили: "Прежнего гетмана вы неведомо где дели, другого гетмана нет: мы под Батурином стояли для гетманского обирания долгое время, испроелись, выходите с войсковыми клейнотами из города в поле на раду!" Старшины отказали, боясь, что в поле козаки их побьют. Козаки приходили к Неелову с тем же требованием; Неслов, видя шатость, велел запереть малый город и не пускать вперед козаков. Кроме того, пришла в Москву весть, что хотят выбрать в гетманы Серка. Знаменитого запорожца под караулом отправили в Москву, а оттуда подальше, в Сибирь.

Ромодановский и Ржевский двинулись к Конотопу, и 15 июля верстах в трех от Козачьей Дубровы встретили их старшина и говорили, чтобы великий государь пожаловал, велел им сделать раду, не ходя в Конотоп, в Козачьей Дуброве, на речке Красене, потому что под Конотопом стояли козацкие войска и конские кормы потравлены около города верст по десяти и больше. "Что ж, - сказал боярин, - учиним раду и в Козачьей Дуброве, по вашему прошенью". Ромодановский стал по одну сторону Красены, старшина по другую. На следующий день старшина приехали к боярину с просьбою не медлить радюю. "По указу великого государя надобно подождать архиепископа Лазаря Барановича", - отвечал Ромодановский. "Нельзя ли без архиепископа?" - просили старшина. Боярин согласился и велел сходиться для рассуждения о статьях. Старшина вошли в государев шатер, потом отобрали половину козаков, бывших при старшине, и велели

им идти на раду; когда козаки собрались в шатер и к шатру, боярин объявил верящую грамоту и спросил старшину о здоровье, объявил, что государь милостиво похваляет их за неучастие в измене Демки и жалуется прежними правами и вольностями. Начал читать Глуховские прежние и новые статьи вслух, а писарь Карп Мокреев смотрел статьи по тетрадам по своему белорусскому письму. Но вдруг чтец замолк: в шатер вошел царский посланный, жилец Григорий Синявин. "Боярин и воевода князь Григорий Григорьевич! - сказал он Ромодановскому. - Объявляю тебе великого государя радость: мая 30, за молитвами св. отец, даровал бог царскому величеству сына, а нам великого государя царевича и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России!" Старшины встали и начали поздравлять боярина; чтение снова началось. Выслушав статьи, старшина и козаки говорили: "Все эти статьи нам надобны, кроме двадцать второй, в которой написано, чтобы для своевольных людей учинить полковника и при нем быть 1000 человек козаков реестровых: если где учинятся шатости и измена, то полковнику этому своевольников унимать. А теперь мы бьем челом великому государю, чтобы пожаловал - у гетмана полковнику и козакам и у полковников компании быть не велел, потому что от таких компаний малороссийским жителям чинится всякое разорение и обиды". Боярин отвечал, что государь пожаловал, велел этой статье быть по их челобитью. Поставили также следующие статьи: 1) Старшина и все Войско били челом, чтобы от нового гетмана не терпеть им такой же неволи и жесточи, как от изменника Демки, чтобы гетман никого не смел казнить и отставлять от должностей без войскового суда и доводу. 2) Старшина и все Войско били челом, чтобы гетман без указа великого государя и без совета старшин к посторонним государям и ни к кому, особенно же к Дорошенку, ни о чем не писал и изустно ссылаться не дерзал. 3) Если малороссияне действительно заехали по реку Сожь, то должны отступить от занятых земель и вперед королевских земель не заезжать, а жить с королевскими людьми спокойно. 4) Турецкий султан из-за Дорошенкова подданства начинает с королем войну: так, если султан и Дорошенко наступят на Польшу, то гетману, старшине и всему Войску Запорожскому Дорошенку не помогать. 5) Гетману, старшине и всему Войску никаких беглых людей и крестьян из Великой России не принимать, а которые приняты, тех отпустить. Потом боярин говорил: "Высланы были вами в Москву полковник Константин Солонина для прислушивания к переговорам между боярами и уполномоченными королевскими послами, где будет речь идти об украинских делах; польские послы не согласились допустить ваших посланцев к переговорам; но все, что в ответе о ваших делах было говорено, все полковнику Солонине читали: так вперед вам своих посланцев на посольские съезды посылать не для чего, одни только убытки и посольским делам затруднения; а как скоро на посольских съездах о ваших делах какой вспомни будет или договоры, то великий государь велит вас уведомлять письмами". Старшина положились на волю государеву. "Теперь, - сказал боярин, - объявите, какие вы хотите

становить новые статьи?" "У нас никаких статей нет", - сказали старшина. "Так 17 июня будьте в обоз к государеву шатру для обрания гетмана".

17 июня, часу в третьем дня, приехал в обоз Лазарь Баранович, архиепископ черниговский, за ним пришел голова московских стрельцов Григорий Неелов, приехали генеральная и войсковая старшина и козаки, а перед старшиною несли государево жалованье - войсковые клей ноты - булаву, знамя, бунчук, литавры. Архиепископ говорил, чтобы прочесть ему новые статьи; боярин велел читать и, когда чтение кончилось, объявил, чтоб приступили к гетманскому избранию. Перед шатром в обозе устроили место, поставили на налое Спасов образ, булаву положили на стол, знамя и бунчук поставили у стола. Боярин и старшина вышли из шатра, архиепископ говорил перед образом молитву; после молитвы боярин говорил на все четыре стороны: "Великий государь указал мне быть на раде для обирания гетмана; и вы бы по своим правам и вольностям гетмана обирали, царское величество положил гетманское обирапье на ваше войсковое право и волю, кого вы Войском излюбите", Изговоря речь, боярин отступил от стола прочь. Вольные и тихие голоса провозгласили гетманом генерального судью Ивана Самойлова. Полковники - Райча и Солонина - взяли избранного под руки и поставили на стол, обозный Забела и другие полковники поднесли ему булаву, укрыли знаменами и бунчуком. "На гетманский уряд я не желаю, - начал новый гетман, - но нельзя же мне не принять царского величества жалованье, булавы и знамени. Только я объявляю, что великому государю буду служить верно и никогда не изменю, как прежние гетманы делали". Старшина, козаки и мещане закричали, что великому государю с гетманом служить готовы, пусть Иван берет булаву и будет гетманом. Иван принял булаву, после чего все двинулись в шатер, отслужили молебн, и Лазарь Баранович привел нового гетмана к присяге. Новый гетман Иван Самойлович был сын священника с западной стороны Днепра; когда жители этой стороны толпами пере ходили на восточную сторону, как более спокойную, перешел и Самойлович с отцом своим и начали жить в городе Старом Колядине. Молодой Иван Самойлович был человек грамотный, умен. хорош собою, ко всем ласков и услужлив и потому скоро был поставлен в том же Колядине писарем сотенным; приобрел расположение генерального писаря при Брюховецком, Гречаного. и был сделан сотником в Веприке; из сотников по просьбе того же Гречаного поставлен наказным полковником черниговским, и наконец на Глуховской раде при избрании Многогрешного в гетманы Самойлович сделался генеральным судьей войсковым.

Падение Многогрешного не нарушило спокойствия в Малороссии; ссылка Серка не взволновала Запорожья. Здесь в это время явился вождь особого рода.

Осенью 1672 года подьячий Семен Щеголев привез на Запорожье пять пушек, ядра, порох и свинец. Подъезжая к кошу, Щеголев выстрелил из

всех пушек и из ружей, из коша отвечали тем же, священники вышли навстречу с крестами. Запорожцы поставили царские подарки на майдане, где бывает рада, и объявили Щеголеву, что у них начальным кошевым и гетманом полевым Никита Вдовиченко, который пошел под Перекоп, не дожидаясь царских пушек, объявили, что они примут государеву грамоту всею радою, как придут из-под Перекопа кошевой и войско. 17 октября войско из-под Перекопа пришло, но без Вдовиченка. 19-го числа собралась рада: выбрали кошевым Луку Андреева, читали грамоту царскую, королевскую и сенаторские. Когда царская грамота была прочтена, новый кошевой начал речь: "Братья, Войско Запорожское, кошевое, днепровое и морское! Слышим и глазами видим великого государя премногую милость и жалованье: милостивым словом изволил увеселить, про наше здоровье велел спрашивать, пушки, ядра, порох и свинец приказал прислать. Калмыкам, донским козакам, из городов охочим людям на помощь против бусурман к нам на кош позволил переходить, также чайками, хлебными запасами и жалованьем обнадеживает, только б наша правда была". "За премногую царского величества милость бьем челом! - закричала рада. - А правда наша, конечно, будет: полно нам без пристанища волочиться. Служили мы и с татарами после измены Брюховецкого. и во время Суховеева гетманства; крымский хан со всего Крыма хлебные запасы собирал и к нам на кош присылал; да и теперь, если б хотели, будет присылать, только тот его хлеб обращался нам в плач, нас же за шею водили и как овцами торговали, в неволю отдавали, все добро и клейноты отняли. Пока свет будет и Днепр идти не перестанет, с бусурманами мириться не будем". Кошевой начал опять: "С нынешнего времени его царскому величеству и его королевскому величеству обещаемся богом служить верно и неотступно. Братья, Войско Запорожское, кошевое, рада полная! так ли моя речь к престолом обоих великих государей христианских монархов?" "Так, так, господин кошевой!" - отвечало войско.

"Воздадим же господу богу и великому государю нашему свету хвалу!" - сказал кошевой, и в ответ грянули пушки и ружья. Потом пошли в церковь к молебну. Щеголев проведаль, что до его приезда на ектениях поминали прежде короля; он стал говорить войску и священникам, что надобно помянуть прежде царя, и его послушались. Потом Щеголев позвал к себе в курень кошевого со старшинами и спросил: "Где ваш гетман Вдовиченко и откуда он на Запорожье пришел?" "Пришел он на Запорожье в нищем образе, - был ответ, - сказался харьковским жителем, свят муж и пророк, дана ему от бога власть будущее знать; тому седьмой год, как велел ему бог, дождавшись этого времени, с Войском Запорожским разорить Крым и в Царе-городе взять золотые ворота и поставить в Киеве на прежнем месте. Князь Ромодановский до этого доброго дела его не допускал и мучил, только его муки эти не берут, писано, что сын вдовицы все земли усмирят. Теперь послал его бог к Войску Запорожскому и в городах всякому человеку до сущего младенца велел сказывать, что он такой знающий человек, чтоб шли с ним разорять Крым; как придет в Крым, пять городов возьмет и будет в них зимовать, бусурманы стрелять не будут, потому что

он невидимо будет под города приходить, стены будут распадаться сами, ворота сами же отворяться, и оттого прославится он, Вдовиченко, по всей земле. А наперед ему надобно Перекоп взять и Войско Запорожское пожитками наполнить. Услыхав такие слова, многие люди покинули дома свои, хлеб в полях и пришли за Вдовиченко на Запорожье, собралась большая толпа, и Войску Запорожскому говорили, чтобы идти с Вдовиченко под Перекоп. Кошевой Евсей Шашол отказывал, чтоб дожидались пушек от великого государя; но городовые люди хотели Шашола убить, кричали, что они шли не на их войсковую, но на Вдовиченкову славу, и кошевое войско на эти слова их все склонилось, собрали раду, Шашола отставили, а выбрали Вдовиченко атаманом кошевым и гетманом полевым". Когда начали собираться под Перекоп, спрашивали у Вдовиченка, сколько брать пушек? "Мне пушки не надобны, - отвечал Вдовиченко, - и без пушек будет добро; слышал я, что вы послали к царю бить челом о пушках, и та ваша посылка напрасная, от этих пушек мало вам будет проку; а если вам пушки понадобятся, тогда который город бусурманский будет поближе и богат, в том и пушки возьмете". Только некоторые знающие люди не во всем ему, Вдовиченку, поверили и взяли две пушки. Всего пошло под Перекоп тысяч шесть конных да тысячи три пеших. Вдовиченко шел до самого Перекопа без отдыха, отчего у многих лошади попадали, а пришедши к перекопскому валу, под город не пошел и промыслу никакого не чинил. Войско, по своему обычаю, ров засыпало, и половина обоза перебралась; но перекопские жители начали из пушек и из ружей стрелять и наших людей бить и топить. Вдовиченко стал от стрельбы прятаться, и войско, видя, что он не такой человек, как про себя сказывал, от Перекопа отступило, дорогою булаву и бунчук у него отняли и хотели убить, но он скрылся". Вдовиченко не наказался перекопскою историею; он явился в Барышевке и стал проповедовать прежние речи; но тут его схватили и отослали к гетману, а гетман отослал к Ромодановскому.